

ЕВА ЦВАНОВА

ЦАРЬ

ВСЕХ

ПТИЦ

ЗАПИСКИ ПСИХИАТРА

18+

Ева Борисовна Иванова

Царь всех птиц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35245408

SelfPub; 2018

Аннотация

Автор книги – врач-психиатр с многолетним стажем, автор книги "Как помочь наркоману", переизданной дважды. Книга повествует о работе рядового психиатра, вокруг которой всегда было много домыслов и мифов. Наряду с психиатрами, героями являются пациенты, часто непонятые и недолюбленные...

Памяти моих коллег Бобровой Ольги Николаевны и Цветкова Павла Михайловича посвящается

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Сашенька был поздним ребенком, его матери Изольде Михайловне было 39 лет, когда он родился. Мальчик был желанным, его появлению радовались отец Иван Сергеевич, бабушка Антонина Петровна, и, конечно же, мать. Бабушка уже и не надеялась на то, что у нее будут внуки.

Когда-то Антонина Петровна и сама долго не могла родить ребенка. Сначала не позволяли условия (ее муж был военным, и они мотались по разным городам), а потом, когда они окончательно поселились в Ленинграде, как-то не получалось. Антонина Петровна практически никогда не работала, муж у нее со временем стал большого звания, у них даже была домработница. А дети никак не получались. Антонина Петровна упорно лечилась, ездила «на воды». В конце концов, отчаявшись, она даже втайне от всех стала ходить в Церковь и молиться. И в 35 лет все-таки родила девочку, которую назвала Изольдой. Она не только дала дочери необыкновенное имя, но решила, что у нее все будет необычное и самое лучшее. Девочку баловали, одевали, как куколку.

Изольда неплохо училась в школе, но никаких выдающихся способностей за ней не водилось. Она с детства любила петь, хотя голосок у нее был так себе. Девочка постоянно

участвовала в школьной самодеятельности, с удовольствием выступала на разных мероприятиях, любила, когда ею восхищаются. Антонина Петровна отдала ее в музыкальную школу, решив, что ее дочь непременно станет великой певицей.

После школы Изольда с помощью отца, который к этому времени уже был генералом, поступила в консерваторию. Мать ликовала. Но в консерватории девочка была фактически одной из последних. Держалась только за счет связей отца и своей старательности. Привыкшая к тому, что ее обожают и восхищаются ее талантом, Изольда чувствовала себя в консерватории неуютно. Однако, преподаватели никогда прямо не говорили, что она бездарна, все-таки дочь большого начальника. Сокурсники, правда, над ней подшучивали, но как-то вяло. В сущности, до нее никому не было дела. Она не вписалась в студенческую компанию, была заносчива, многих считала людьми «не своего круга», и сама держалась особняком. В конце концов, не без помощи материнских внушений, Изольда пришла к выводу, что кругом нее одни завистники, которые просто не могут оценить ее талант.

Изольда окончила консерваторию, и опять же, не без помощи отца, попала в оперный театр. Здесь уже не могли закрывать глаза на ее слабые вокальные данные, и поэтому она получала незначительные роли. Неудавшаяся прима по-прежнему все сваливала на окружение – «интриганов и завистников», никак не желая признавать, что у нее просто

нет таланта. Изольда в этот период жила тем, что сплетничала, интриговала, завидовала. Ее любимым занятием было обсуждение сотрудников театра – кто с кем спит, кому и как достаются партии, кто против кого дружит.

Страсти эти несколько поутихли, когда Изольда вышла замуж. Было ей уже около тридцати. Ее супругом стал сын друга и сослуживца отца. Он был инженером, трудился в каком-то «ящике». С Изольдой они были знакомы с детства. Так как-то и поженились, без особой любви. Жить стали у родителей мужа, поэтому ежедневные беседы о делах в театре прекратились, и Изольда, похоже, смирилась, что великой певицы из нее не получится.

Через несколько лет после замужества, неожиданно умер от инфаркта отец, и Изольда с мужем перебрались жить к матери, тем более, что свекор забрал к себе жить психически нездоровую сестру, которая до этого жила одна. Вела она себя тихо, но была крайне неряшлива, целыми днями валялась в постели, неделями не мылась, не причесывалась, не меняла одежду, и что самое неприятное, беспрестанно курила. Когда она только появилась в квартире, Изольда пыталась наладить контакт с новой родственницей. Взяв яблок и конфет, она зашла к тетке мужа в комнату и сказала: «Я тебе, Марина, яблок и конфет принесла». Та, не глядя на Изольду, взяла одно яблоко, долго на него смотрела, потом стала тыкать в себя пальцем и громко повторять: «Я, блок!». Потом подняла указательный палец вверх и произнесла: «О!». И так

несколько раз. Затем начала смеяться, не обращая никакого внимания на Изольду. Та страшно растерялась, постояла еще немножко, не зная, как реагировать и, в конце концов, ушла из комнаты, не попрощавшись. Тетка этого просто не заметила. Больше Изольда никак с Мариной не общалась. Вскоре случился переезд.

В целом, жизнь была какая-то серая и безрадостная. Муж целыми днями работал. В театре тоже ничего интересного не происходило. Изольду там не очень-то любили. Мать дома продолжала подзуживать, что «не ценят, не понимают». Изольда очень хотела ребенка. Ей казалось, что с его появлением все чудесным образом изменится. И она, как в свое время ее мать, стала ходить по врачам, которые никаких особых проблем со здоровьем не находили, но все-таки назначали курсы лечения, посылали в санатории. Изольда фанатично следовала всем назначениям. Потом она обратилась к гомеопату и по часам глотала многочисленные и разнообразные горошинки, когда и это не помогло, пошла к знахарке, и в конце концов, пришла в Церковь. Но беременность не наступала. Изольда стала уже подумывать о том, чтобы взять приемного ребенка, тем более, что муж был не против. Но Антонина Петровна категорически воспротивилась: «Ты что, ополоумела! Возьмешь неизвестно кого, неизвестно от каких родителей! Потом будешь всю жизнь маяться!». И Изольда решила настраиваться на жизнь без детей. И как только она оставила попытки, как тут же забеременела.

И вот, на счастье всему семейству, на свет появился Сашенька. Родился он здоровеньким, все у него происходило как должно, по плану – вовремя стал держать головку, сидеть, ползать, говорить. Когда в три года его отдали в садик, он каждый раз плакал, когда мама его оставляла и уходила. Изольда переживала, но Антонина Петровна успокаивала: «Ничего, все так поначалу». Постепенно Сашенька плакать перестал, но воспитательница жаловалась матери, что он целый день один, почти ничего не ест, с детьми не играет. Когда Изольда приходила забирать сына из садика, он ждал ее в коридорчике. Вид у него был отрешенный, мальчик сидел, засунув палец в рот, и почти не реагировал на внешние раздражители. И еще он очень часто болел. В конце концов, пришлось его из детского сада забрать. «Ничего, – говорила Антонина Петровна, – у него, в конце концов, бабушка есть, обойдется без садика».

Нельзя сказать, чтобы с рождением сына, жизнь Изольды стала сильно счастливее. Она представляла себе во время беременности идиллические картинки, которые оформлялись в голове, как фотографии: вот она с ребенком гуляет в парке, вот она его купает, вот счастливое семейство в зоопарке. На деле все оказалось значительно прозаичнее. Уже роды показали Изольде ужасными – боль, страх, грубость акушерки, потом долгие страдания, связанные с разрывами промежности, когда невозможно сидеть, а можно только лежать или стоять, и никакой романтики. Дальше – пеленки, стирки,

иногда беспокойные ночи и все, что сопровождает обычный процесс возвращения детей. Где-то в глубине души, Изольда понимала, что ребенок этот, в сущности, ей не нужен. Но в сердце была пустота, которую нечем было заполнить, и она заполняла ее усиленной заботой о сыне. Выглядела она как очень любящая, опекающая мамаша. Постоянно занималась с Сашей, много читала ему, когда он подрос, водила в театры. Впрочем, хозяйственные заботы оставались за Антониной Петровной, именно она готовила, стирала, убирала, гладила. Муж Изольды по-прежнему много работал. К тому же, будучи из семьи военного, он считал, что маленьких детей должна воспитывать жена, а он присоединится потом, когда сын подрастет.

Сашенька, между тем, дорос до школьного возраста. Изольда хотела ему всего самого лучшего, и поэтому он пошел в школу с углубленным изучением английского языка. Учебное заведение считалось очень престижным. Мальчик пошел туда без особой охоты, хотя в начальной школе еще учился старательно. Изольда жестко контролировала учебу, делала с ним уроки, почти каждый день ходила к учителям, надоедая им долгими разговорами о воспитании детей. Кроме того, она была активной участницей родительского комитета. Работа и муж совсем отошли на второй план.

Сашенька рос тихим, застенчивым, ранимым мальчиком. Он не любил шумных детских игр, праздников. С одноклассниками у него отношения особо не складывались. В первом

классе Сашу посадили за парту с девочкой Светой. Со временем, она стала фактически его единственной подругой в школе. Богдановы жили в большой четырехкомнатной квартире в центре города. По меркам того, еще советского времени, эта была роскошная квартира, впрочем, она осталась таковой и после перестройки. Света же была, как это принято говорить, девочкой из неблагополучной семьи и попала в эту школу, потому что проживала рядом и ее не могли не принять. Жила она в комнате в коммунальной квартире вместе с матерью, которая работала продавщицей в овощном магазине. Кроме того, там же проживал отчим, которого Света называла дядя Боря. Дядя Боря был здоровенный пьющий мужик, вечно пребывающий в дурном расположении духа, как в трезвом, так и в пьяном виде. Мать Светы твердо пребывала в убеждении, что «в доме должен быть мужчина», поэтому она всячески ублажала этого самого мужчину, совершенно не интересуясь жизнью дочери. Как многие дети, на которых не обращают внимания, Света искала «нужности» на стороне и нашла ее в лице Сашеньки. Он казался ей хрупким, незащищенным, и она с удовольствием его опекала, пыталась ограждать от насмешек одноклассников, напоминала, что ему нужно съесть бутерброды, заботливо приготовленные бабушкой, даже порывалась завязывать ему шнурки, но тут Саша воспротивился, и ей пришлось отступить.

Учился Саша Богданов средне. Ему вообще не нравилось ходить в школу. Он с удовольствием сидел дома во время

каникул и когда болел. В эти дни он устраивался с книжкой на диване и мог часами с него не вставать. Когда Саша учился в средних классах, он любил читать фантастику и книжки про путешествия, а в старших классах увлекся философскими сочинениями, читал Ницше, Шопенгауэра. А еще они со Светой ходили в художественную школу. Так получилось, что школа находилась недалеко от дома, в котором жили Богдановы. Изольда Михайловна постоянно выискивала у сына разные таланты. Ей очень хотелось, чтобы Сашенька необыкновенно одаренным, не таким как все. Мальчик, как и подавляющее большинство детей рисовал. Причем, несмотря на юный возраст, рисунки у него были довольно мрачными и какими-то недетскими. В них обычно не прослеживалось никакого сюжета, часто присутствовали отдельные части тела или лица. Изольда Михайловна считала, что это проявление таланта сына. Она отвела мальчика в художественную школу. Туда же вслед за другом отправилась и Светлана. Она, как раз, неплохо рисовала, ее рисунки были радостными и светлыми. Кроме того, несмотря на юный возраст, она умела вышивать, немного вязать и шить. Несмотря на то, что педагоги в художественной школе особых талантов к рисованию у Саши не отмечали, Изольда твердо решила, что он будет поступать в Академию Художеств. Сашины учителя осторожно говорили ей, что у мальчика недостаточно способностей, но мать была непреклонна. Их разговоры она относила к некомпетентности и неспособности оценить «истинный талант».

Света же, в отличие от Саши, который ходил в художественную школу только из-за матери, очень любила занятия. Если бы ее мать, хоть раз зашла бы побеседовать с педагогами, она бы выслушала немало лестных отзывов о дочери. Но ей было не до того, она обихаживала дядю Борю и родившуюся от него дочь, Светину сестренку. О Свете она вспоминала только в связи с тем, что та довольно часто выполняла обязанности няньки. Света тоже решила поступать в Академию, правда, как человек разумный и с детства вынужденный быть практичным, она решила идти на дизайнерский факультет. Сашина же мать настаивала на том, чтобы он поступал на отделение живописи. Мать Светы, узнав, что задумала дочь, обругала ее, сказав: «Поступай в ПТУ, куда тебе со свиным рылом в калашный ряд. А, впрочем, делай, что хочешь, не до тебя. Только имей в виду, кормить после окончания школы я тебя не буду». Света же просто не могла представить себе, что после окончания школы они с Сашей не смогут видеться. Домой к нему она приходила не могла. Однажды, когда они еще учились в 6 классе, Саша привел Свету домой. Пока девочка была в гостях, Изольда еще крепилась, но, когда Света ушла, мать устроила скандал: «Этой кухаркиной дочери нечего делать у нас в доме, не смей ее привечать». Саша пытался заступиться за подругу, но тщетно. Отношения их со Светой были, если так можно сказать, неравномерные. Если Света Сашу боготворила, считала его самым умным и красивым и готова была за ним, что называ-

ется, на край света, то Саша к ней относился гораздо более прохладно. Он вообще был человеком, сдержанным в проявлении чувств, казалось, что у него есть какая-то своя, отдельная внутренняя жизнь, куда он никого не пускает. Но он привык к Свете и по-своему привязался. Она всегда внимательно его слушала, находила его размышления гениальными, смеялась над его странными, несмешными шутками. И он это ценил. Хотя, как сын своей матери, он несколько свысока относился к «пролетарскому» происхождению подружки. Изольда, конечно, знала об их дружбе, но сделать ничего не могла. Саша всегда пресекал ее разговоры, что Светлана «не их круга», а повлиять на их отношения за стенами своего дома, она не могла.

По окончании школы оба подали документы в Академию Художеств и... Саша не поступил, а Света поступила на дизайнерский факультет. Изольда была убита горем. Но разделить ей его было не с кем. Муж всегда был против того, чтобы Саша был художником. Он, в отличие от Изольды, прекрасно видел, что у сына нет способностей, но спорить не хотел, стараясь как можно больше времени проводить на работе. А Антонина Петровна умерла, когда Саша учился в 8 классе. До последнего дня она была бодрой, много делала по дому. Однажды утром она просто не проснулась. Для Изольды это был удар. Она, несмотря на то, что матери было за 80 лет, этого никак не ожидала. А больше всего Изольду травмировало известие, что Света «кухаркина дочь» поступила,

правда на дизайнерский факультет, но это было слабым утешением. Ее сын не смог бы поступить и туда. Нужно было что-то срочно решать, иначе Саше грозила армия. Школу он окончил с весьма посредственными оценками, среднего балла хватало, разве что, на пединститут. Но выбора большого не было, и Саша, с грехом пополам, поступил на исторический факультет пединститута. Света сначала хотела забрать документы из Академии и вслед за другом поступать в пединститут, но он сам ее отговорил, сказав, что на их отношениях это никак не скажется. Кроме того, Свете очень нравилась ее будущая профессия. Ее мамаша даже похвалила дочь: «Не ожидала, молодец! Раз поступила – учись. Но все-таки работу тебе придется поискать, не могу тебя кормить до седых волос. Да и сестренка твоя подрастает, кушать просит». У дяди Бори была своя жилплощадь – маленькая комната в коммуналке, которая досталась ему после развода с первой женой. Мать предложила Свете переехать туда, потому что в их жилище стало совсем тесно. Света была очень рада этому предложению. Это избавляло ее от дяди Бори, которого она терпеть не могла и от многочисленных забот о сестренке. И она переселилась в комнату, которая, к тому же, находилась недалеко от места учебы. Так, у вчерашних детей началась взрослая жизнь. Правда, у Саши, она мало в чем изменилась. Теперь, вместо школы, он ходил в институт, так же как без всякого энтузиазма. После окончания занятий чаще всего он шел домой и предавался своему лю-

бимому занятию – лежал на диване с книгой. Иногда он шел к Свете, где также, в основном, валялся на диване. Света же крутилась как белка в колесе – училась, причем училась хорошо. Кроме того, что ей нравилось учиться, нужна еще была стипендия, и она старалась изо всех сил. Мать совсем не давала ей денег, и она подрабатывала няней вечерами и по выходным. Саша продолжал писать «философские сочинения», которые регулярно читал своей подруге. Света старалась внимательно слушать, но с каждым новым сочинением понимала все меньше и меньше. Ей казалось, что в них вовсе отсутствует логика и смысл, но она боялась об этом говорить Саше.

На 3 курсе Саша стал постепенно меняться. Он всегда не любил компаний и был человеком замкнутым, но последнее время стал избегать любого общества, делая исключение лишь домашним и Свете. Внешне он был очень привлекательным мужчиной – высокого роста, брюнет с хорошей фигурой и породистым лицом. Девушки в пединституте буквально преследовали его, особенно первое время. Однако, постепенно отстали, записав его в «чокнутые» – никакого внимания на девушек Саша не обращал. Со временем, он стал сторониться и родителей и даже попросил их вставить замок в дверь своей комнаты. Он приходил после занятий, молча ел, запирался на ключ и либо читал или что-то писал, либо просто лежал, ничего не делая. Исключением по-прежнему была Света. К ней он приходил несколько раз в

неделю, иногда оставался ночевать. Света была счастлива, она была согласна на него на любого, лишь бы он был рядом. Так продолжалось до 4 курса, когда в начале учебного года Саша, что называется, «залег» и перестал ходить в институт. Мать пыталась его поднимать, но он отмахивался: «Мне лень», а часто просто не открывал родителям дверь. Он перестал ходить к Свете. Та несколько раз приходила к Богдановым домой, переборов гордость, но Саша к ней не вышел, да и Изольда кривилась. В один из визитов Света сказала Изольде: «Его бы врачу показать, психиатру, может быть у него депрессия?» Изольда страшно разозлилась, стала кричать, на глазах превращаясь в базарную торговку: «Тебя самому надо к психиатру, дрянь подзаборная! Ты кто такая? Кухаркина дочь! Убирайся отсюда, чтоб духу твоего здесь не было!» Она продолжала кричать, но Света уже не слушала, она бежала по лестнице и повторяла: «Что же делать? Что делать? Он ведь пропадет!»

Саша не выходил из дома уже 2 недели, что-то нужно было делать, в деканате требовали справку. Изольда вызвала участкового врача из поликлиники, но та только развела руками: «По моей части Ваш сын здоров, ему нужен психиатр». Но Изольда об этом даже слышать не хотела. Она заставила мужа пойти вместе к главному врачу поликлиники, где стала жаловаться на участкового врача, что сын болен, а врач к нему невнимательно отнеслась и ничего не хочет делать. В конце концов, к Саше послали невропатолога, и тот стал его

лечить, обещая справку и содействие в получении академического отпуска в институте.

Состояние Саши тем временем изменилось, он через почти месяц сидения дома, вдруг стал выходить на улицу, часто по ночам, у него появилось какое-то лихорадочное возбуждение. Мать и отец часто слышали, как он сутками напролет ходит по комнате и разговаривает сам с собой. Он стал очень рассеянным, невпопад отвечал на вопросы, иногда родители не могли понять, что он говорит.

– Изольда! – однажды сказал ей Иван Сергеевич – давай покажем Сашу психиатру, он ведь не в себе, как бы беды не получилось!

В мозгу Изольды на миг появилось безумное лицо Сашиней тетки Марины, но она тут же отогнала видение и твердо сказала: «Нет, мой сын не может быть сумасшедшим и никогда не пойдет ни к какому психиатру!». И она старалась делать вид, что ничего не происходит. Однажды Саша посреди ночи прибежал к Свете, он был возбужден, метался по комнате. Из его сбивчивых речей Света поняла, что ему страшно и его кто-то преследует. Он бормотал: «Они сказали, что убьют меня». Саша собрался уйти, Свете с трудом удалось его уговорить, и он прилег у нее на диване. С трудом дождавшись утра, она побежала к Сашиним родителям.

– Ваш сын у меня, он болен, ему нужна помощь психиатра, пойдем те же ко мне, вызовем врача!

– Сумасшедшая психопатка! Оставь нас в покое! Ты все

врешь! Моему сыну нечего делать в твоём доме, убирайся! – Изольда перешла на визг.

Света, поняв, что здесь помощи не дождешься, твердо решила вернувшись домой, вызвать скорую помощь. Однако дома она Саши не застала. Ее сосед по коммуналке сказал ей: «Твой сожитель тут ко мне с утра пораньше вломился в комнату, попросил молоток, говорил, что гвоздь нужно забить. А у самого вид какой-то странный, вроде как он не в себе. Я сдуру ему молоток дал, а он взял, да и убежал, даже куртку не одел. Что с ним, Свет?» Девушка, не ответив, прошла к себе и бессильно опустилась на диван. Ей ничего не оставалось, кроме как ждать. Саша не появлялся уже два дня, не пришел он и домой. Изольда нехотя рассказала Ивану Сергеевичу о визите Светы.

– Нужно срочно ей звонить! – сказал муж.

В комнате Саши он нашел записную книжку и телефон Светы. Она ответила разу. Эти дни она не выходила из дома, боялась, что Саша вернется, а ее не будет.

– Саша у тебя? – спросил Иван Сергеевич.

Света рассказала ему о визите сына.

– Так, понятно, нужно срочно звонить по больницам. – Отец повесил трубку и начал обзванивать стационары. В справочном одной из психиатрических больниц, ему сказали, что Богданов Александр был госпитализирован 2 дня назад. Родители тут же поехали в больницу. Узнав в приемном покое, в каком отделении лежит сын, они стали искать лече-

щего врача. Ею оказалась совсем молодая женщина, по виду ненамного старше Саши. Она вышла к ним из отделения и объяснила, что Александр Богданов ночью был взят нарядом милиции около магазина, в котором он разбил витрину молотком. Милиционеры сразу же заметили, что парень «не в себе» и вызвали скорую психиатрическую помощь. Так Саша оказался в больнице.

– Доктор, что с ним? – замирая от страха, спросил отец.

– У вашего сына острый психоз с бредом преследования и слуховыми галлюцинациями, он очень болен.

– Не может быть, мой мальчик не сумасшедший! – Изольда Михайловна говорила громко, почти кричала.

– Успокойтесь! – сказала доктор – я хочу задать вам несколько вопросов. – Были ли у вашего сына в роду родственники, которые обращались к психиатрам?

– Нет, нет и еще раз нет! – отвечала Изольда Михайловна, еле сдерживаясь, чтобы опять не закричать – Это какая-то ошибка, мой сын абсолютно здоров, вы должны его немедленно отпустить!

– Скажите, пожалуйста, – врач стала обращаться к Ивану Сергеевичу, игнорируя реплики Изольды. – Не замечали ли вы за сыном каких-нибудь странностей последнее время, может быть, он как-то изменился?

Мать опять попыталась вмешаться, но тут уже Иван Сергеевич отстранил ее, и тяжело вздохнув, сказал врачу: «Сейчас я вам все расскажу». И он рассказал и про большую сест-

ру отца, свою тетку Марину и про то, что сын уже несколько месяцев не ходит в институт и про его ночные прогулки и разговоры с самим собой.

– Спасибо, вы очень ему помогли, – сказала доктор.

– А, что же теперь будет? – спросил отец.

– Теперь он будет лечиться, потом выпишется, и, я надеюсь, пойдет дальше учиться в институт. Но ему придется постоянно принимать лекарства, чтобы не было обострения болезни.

– А, можно ли его сегодня повидать?

– У нас есть приемные часы, но раз вы приехали, пойдите, – и доктор впустила их в отделение.

То, что родители увидели, повергло их в шок – по длинному коридору бродили мужчины разного возраста, одетые почти все в пижамы какого-то мышинового цвета. Казалось, что их не меньше сотни. Картина вроде бы была вполне мирная, но что-то в ней было пугающим и напоминало фильм ужасов. Стараясь идти вдоль стенки, родители следовали за врачом. По дороге к ним стал цепляться какой-то мужичок неопрятного вида, он семенял за ними и все время монотонно спрашивал: «Вы к кому пришли?» Похоже, что ответ его нисколько не интересовал. Им пришлось пройти весь коридор, прежде, чем они подошли к палате, где на входе в кресле сидела мед.сестра и наблюдала за пациентами внутри. Там стояло много кроватей, на одной из них возле зарешеченного окна сидел Саша.

– Сашенька, сынок – мать кинулась к нему.

В ответ он поднял голову: «А, это ты, мама», затем, увидев отца, отстраненно поздоровался и с ним.

– Что случилось сынок? – мать присела на кровать рядом с сыном.

– Я, наверное, болен, очень болен, мама. Хочу покоя. Здесь мне спокойнее, я ночью спал хорошо. Вы идите, приходите когда-нибудь потом, не сегодня. Устал я, я устал.

Мать, было хотела спросить, что принести в следующий визит, но отец ей не дал, потащил к выходу. На улице Изольда стала плакать, всю дорогу она повторяла, что произошла ошибка, что Сашенька совершенно здоров, и что нужно срочно забирать его из больницы.

– Ну, уж нет! – возмутился Иван Сергеевич – Ему нужна помощь. Еще хорошо, что все кончилось больницей, а не чем-нибудь похуже. И я намерен позвонить этой девочке Свете и сообщить ей, где Саша. Она, кажется, его действительно любит и больным и здоровым.

Когда они вернулись домой, Света стояла у квартиры. По ней было видно, что без информации о Саше она не уйдет. Мать демонстративно прошла в квартиру, а отец коротко ей рассказал о визите в психиатрическую больницу.

Саша пролежал в больнице полтора месяца. С каждым днем ему становилось лучше. Постепенно он стал опять похож на того Сашу, которым был раньше. Правда, у него появилась какая-то скованность в движениях, и он с трудом

мог усидеть на месте, все время стремился встать и начинал «топтаться». Но ему объяснили, что это побочное действие лекарств, которое пройдет при уменьшении дозы. Сашу больше не мучили галлюцинации и страхи, он хорошо спал. Навещали его отец и Света. Подруга приходила на все посещения и еще носила передачи в другие дня. Иногда ее пускали в отделение. Девушка всячески подбадривала Сашу, строила с ним планы, как он будет дальше учиться, и как после выписки они начнут жить вместе. Мать к Саше не приходила, ей был невыносимо видеть сына в больнице. Изольда так и не смирилась и не желала верить, что Саша болен. Она как-то упустила момент выписки, и сын действительно уехал жить к Свете.

Жизнь стала налаживаться. Саша продолжил учебу в институте, он не стал оформлять академический отпуск. Света ходила на свои занятия, продолжала подрабатывать няней, но при этом ухитрялась «вести хозяйство». Она очень заботилась о Саше, старалась, чтобы он не засиживался дома, ходила с ним в кино, иногда в театры. Его скованность значительно уменьшилась и со стороны была практически не заметна. Можно сказать, что света с Сашей были счастливы.

Изольда Михайловна, тем временем, несколько оправилась от перенесенного потрясения и заскучала. Она была уже на пенсии и целыми днями сидела дома. Муж, несмотря на меняющиеся времена, продолжал целыми днями работать. Изольда запретила себе думать о болезни сына, но ее продол-

жали время от времени мучить воспоминания о безумной мужниной тетке. «Эх! Надо было ребенка взять из детдома! А все мама – «не известно от кого, будет больной!» Она-то умерла, а я вот теперь здесь отдувайся!» Но она гнала от себя эти мысли, настойчиво повторяя про себя: «Сын здоров, он еще себя покажет». Правда, как именно он должен себя показать, она придумать не могла.

Саша иногда навещал мать. Эти встречи были редки, потому что Света не хотела его отпускать одного и всегда приходила с ним. Выгнать ее Изольда уже не могла, но и видеть не хотела, чего не скрывала. В конце концов, она, устав от одиночества, решила, что сыну пора вернуться домой. Но на прямое предложение, Саша ответил отказом. Через некоторое время, Изольда стала «хворать», и однажды, попросила сына пожить недельку-другую дома, пока она «не поправиться». Света пыталась возражать, но Изольда Михайловна была очень убедительна: «Что же родной сын с больной матерью не может пожить?». И Саша покорился. Света отдала Изольде Сашины лекарства и попросила аккуратно их давать, объяснив, когда и сколько таблеток нужно Саше принимать. В тот же день, когда Саша остался у родителей, Изольда вечером не дала ему таблетки: «Зачем они тебе сынок, ты от них какой-то вялый и заторможенный. Все таблетки только во вред». Саша спорить не стал, тем более что некоторый дискомфорт от их приема он все же ощущал. Он прожил у матери две недели, но затем вернулся к Свете. В родном до-

ме он чувствовал себя чужим.

Света была опять счастлива. Правда первое время ее беспокоила мысль, что Саша перестал принимать таблетки, но он стал таким активным, веселым, что она уговорила себя, что он уже выздоровел и лекарства ему ни к чему. Так они прожили еще пару месяцев. Оба учились, дело шло к летней сессии. Саша, конечно, не стал другим. Он по-прежнему был замкнутым, нелюдимым, особенно не любил никуда ходить, у него не было друзей. Но Свету это вполне устраивало, главное – он был с ней!

В конце апреля Саша как-то потускнел, ушел в себя. По ночам он часто уходил на коммунальную кухню и часами курил, приоткрыв маленькую форточку. Свете с каждым днем становилось все труднее и труднее заставлять его ходить в институт. В один из дней она заметила, что он разговаривает сам с собой. Она предложила ему пойти к врачу, но Саша отказался. Тогда она сама пришла в диспансер, врач стала ее спрашивать, как давно он не принимает лекарства, как себя ведет. Выслушав сбивчивый рассказ Светы, она сказала: «Ему нужно в больницу, по-видимому, начинается обострение болезни».

– Но он не пойдет в больницу, он не хочет – возразила Света, – Вы мне выпишите лекарства, я буду ему давать.

– Деточка, вряд ли ему уже это поможет, ему нужно наблюдение врача. Постарайтесь его уговорить прийти на прием, а еще лучше вызывайте скорую.

Света ушла из диспансера в смятении. Вечером она пришла к родителям Саши, рассказала, что с их сыном совсем плохо и попросила у Изольды Михайловны таблетки.

– Нет у меня таблеток, я их выкинула. Саше вовсе их незачем принимать, он не псих! Просто, ему с тобой, милочка, плохо, вот он и закис!

Светлана, в очередной раз ушла из этого дома. Она с отчаяньем думала, как помочь Саше. Доктор предлагала ей вызвать скорую, но на это она решиться не могла. Придя домой, она обнаружила, что дверь в их комнату заперта изнутри.

– Саша! Сашенька! Открой мне дверь! Это я – Света, – она уговаривала его почти час, прежде, чем он открыл.

Она вошла в комнату, после чего Саша тут же снова закрыл дверь на ключ и на крючок.

– Они уже здесь, они меня убьют, я слышу их голоса, – лихорадочно бормотал он, подставляя к двери стол.

Свете стало страшно: «Саша, успокойся, милый! Тебе надо в больницу!».

– Никуда я не поеду! Мне живым отсюда не выйти! – Саша метался по комнате.

И Света решила вызвать скорую помощь. В это время раздался стук в дверь – пришли Сашины родители. Как ни странно, услышав их голоса, Саша убрал стол, открыл дверь и лег на диван.

– Мы пришли забрать сына, ему здесь нечего делать, ему от тебя только хуже! – Изольда Михайловна решительно по-

дошла к дивану.

Ивану Сергеевичу было неловко за жену, но он не вмешивался, так как тоже считал, что Саше будет лучше дома.

– Он болен, ему нужен врач – взмолилась Света, – Давай-те, вызовем скорую.

– Мы лучше знаем, что ему нужно, а чего не нужно, – говоря это, Изольда быстро собирала Сашины вещи, – Он уже побывал однажды в психиатрической больнице, хватит! Саша! Вставай, поехали домой.

Сын послушно встал и пошел за родителями. На пороге комнаты он обернулся: «Прощай, Светка!» и ушел в темноту коридора. Света бессильно опустилась на стул и заплакала.

Родители привезли сына домой.

– Изольда! Завтра вызовем врача из диспансера или скорую, наш сын болен. – Сказал Иван Сергеевич.

– Ничего подобного! Вы все слепцы! Мальчик просто устал, я сама буду за ним ухаживать!

Два следующих дня Саша лежал на диване, отвернувшись лицом к стене. Ночью вторых суток он не спал ни минуты, метался по своей комнате, постоянно что-то бормотал. Родители прислушивались к звукам, доносившимся из комнаты. Отец опять стал настаивать на вызове врача, но Изольда была непреклонна. К утру, они все-таки заснули. Проснувшись, родители не обнаружили сына дома. Саша ушел. Отец бросился на улицу и увидел Свету, которая сидела на скамейке рядом с подъездом.

– Ты Сашу не видела? – спросил он.

– Нет, я тут только час сижу, а он что, ушел?

– Да, прозевали мы его с матерью.

Они молча сели рядом на скамейке, Иван Сергеевич закурил, говорить было не о чем.

Через сутки в квартиру Богдановых позвонили из милиции и сообщили, что вчера в морг было доставлено тело молодого человека, в кармане куртки которого был обнаружен студенческий билет на имя Богданова Александра Ивановича, студента пединститута. Смерть наступила в результате падения с высоты, парень спрыгнул с крыши. Родителей пригласили на опознание.

Через несколько дней были похороны, на которых присутствовали мать и отец Саши и Светлана. Всю церемонию они молчали, молча же попрощались с Сашей и после похорон разошлись в разные стороны. Изольда осталась жить в родительской квартире. Иван Сергеевич вернулся в свою квартиру, где некогда жила его безумная тетка, носительница проклятой наследственности. А Света вернулась в свою коммуналку, чтобы попробовать начать новую жизнь, жизнь без Саши Богданова.

ПЕРЕПУТАЛИ...

Тетя Зина была женщиной простой и малообразованной. Жила она одна в маленькой квартире, была в разводе, детей не имела. Родилась Зина в небольшом городке в средней по-

лосе России, в Советские времена по лимиту приехала в Ленинград, работала на фабрике прядильщицей.

В целом, жизнью она была довольна – своя квартира, денег хоть и мало платят, но ей хватает. А то, что живет одна, так это ее с годами стало даже радовать. Бывший тети Зинин супруг был пьяницей, бил ее, пропивал все деньги, и теперь разведясь, она могла наконец– то жить в покое.

Иногда тетя Зина ходила в гости к подружкам, которые когда-то, как и она приехали по лимиту работать на фабрику. Но делала она это нечасто, т.к. у подружек были мужья, дети, а у некоторых уже и внуки, а Зина привыкла быть одна, и суета ее раздражала.

В свободное время любила тетя Зина смотреть телевизор, особенно телесериалы про любовь.

Водился за тетей Зиной грешок – любила она выпить. Пила она, как правило, ровно три дня – пятницу, субботу, воскресенье, а в понедельник шла на работу. Обычно, в пятницу после работы Зина заходила в большой магазин недалеко от дома, покупала побольше продуктов, обязательно чего-нибудь вкусенького – салата оливье, селедки, копченой колбаски, четыре бутылки пива и пол-литровую бутылку водки. Раньше Зина могла выпить гораздо больше, особенно, когда жила с мужем пьяницей. Но теперь, ей нужно было совсем немного. В пятницу вечером, усевшись перед телевизором, она сначала медленно выпивала бутылку пива, совмещая эту процедуру с просмотром очередного телесериала. При этом

тете Зина обильно и с удовольствием закусывала. Ближе к концу трапезы и очередной серии, она выпивала примерно стакан водки и шла спать. Утром в субботу Зина вяло завтракала, стараясь не пить спиртного до обеда. За обедом выпивала пива, а к вечеру повторялся вчерашний сценарий. Воскресенье отличалось от субботы тем, что тетя Зина старалась не пить водки. Есть ей уже совсем не хотелось, поэтому вкусности оставались на понедельник. В ночь с воскресенья на понедельник тетя Зина обычно плохо спала, ей снились кошмары, утром у нее дрожали руки, очень хотелось выпить, но она крепилась до следующей пятницы и с трудом тащилась на работу. Удерживаться было трудно, однажды в отпуске Зина пила три недели почти каждый день, чуть не умерла, долго выхаживалась и после этого случая даже не пила несколько месяцев. Этот опыт она крепко запомнила и старалась из своего «графика» не выходить.

Однажды, в одну из пятниц, как раз в тот момент, когда Зина налила в стакан пива и подцепила кусок селедки, в дверь позвонили. «Кого это принесло» – подумала она, и нехотя пошла открывать дверь. В дверях стояли три здоровенных мужика, одетых в какие-то синие костюмы. Ни слова ни говоря, они взяли тетю Зину под белы ручки и поволокли на улицу, она даже не успела закрыть входную дверь. Тетя Зина просто онемела и только, когда ее запихали в машину скорой помощи, стала, наконец-то, робко интересоваться, что же происходит. На что получила туманный ответ

– «в больнице все объяснят».

Сергей Петрович Смирнов, врач–психиатр с 20-летним стажем вышел на очередное суточное дежурство. Когда-то после окончания института и интернатуры, он, как и многие студенты, хотел работать в больнице, но так сложилось, что попал на скорую помощь, да так там и остался. Он уже давно эмоционально выгорел и практически утратил интерес к профессии и относился к своей работе как к неизбежному злу. Работал Сергей Петрович много, несколько суток в неделю. Жена у него тоже была врач, участковый терапевт в поликлинике. Ее и его денег еле хватало, чтобы прожить самим и прокормить двоих детей.

В свободное от дежурств время, он либо спал после работы, либо смотрел телевизор, в основном футбол или новости. Когда-то в молодости, он и сам любил поиграть в футбол или волейбол, но последние годы стал ленивым, обрюзг и растолстел. Кроме того, доктор Смирнов стал частенько выпивать, объясняя это для себя и окружающих тем, что нужно как-то мириться с этой собачьей жизнью. На этой почве имел он постоянные конфликты со своей супругой. На работе, правда, старался не пить, но в выходные мог изрядно набраться.

В тот день, Сергей Петрович, как было уже сказано, заступил на дежурство. Был он сильно не в духе, т.к. накануне перебрал. Дело уже шло к вечеру, т.е. к ужину. Поступил очередной вызов. Вызов был почему-то из диспансера.

Вообще-то на такие вызовы должен был ехать просто сан-транспорт, но по каким-то причинам послали его бригаду. В направлении было написано, что пациентка, которую нужно госпитализировать, ведет себя агрессивно, кричит, угрожает покончить жизнь самоубийством. Приехав на дом, доктор и два фельдшера, обнаружили в квартире женщину, которая вела себя совсем не так, как обещало направление из диспансера. Она показалась Смирнову какой-то забитой и с явными следами алкоголизма на лице. Доктор немного удивился, но разбираться долго не стал – было время ужинать. По дороге в больницу удивление Сергей Петровича еще больше усилилось, потому что жертва вела себя совершенно спокойно, робко пытаясь выяснить, что происходит. «Странно» – думал он – может эта психопатка успокоилась, пока мы ехали, ну да ладно в больнице разберутся, не отпускать же ее с таким направлением». Приехав в больницу, Смирнов поделился своими сомнениями с дежурным врачом, но последний предложил отправить пациентку в отделение, мол пусть завтра там и разбираются. На всякий случай доктор Смирнов все-таки написал свое направление, в котором аккуратно обрисовал вторую стадию алкоголизма с похмельным синдромом. Врач приемного покоя добросовестно переписал данные первого направления, отметив, что на момент осмотра пациентка успокоилась, а так же, спросив тетю Зину, выпивает ли она, и, получив положительный ответ, описал также и алкоголизм, ссылаясь, в том числе, и на второе направле-

ние. Дежурный врач и доктор Смирнов, не прикладывая никаких усилий, уговорили тетю Зину побыть в больнице до утра, и разошлись довольные друг другом. И ни тот, ни другой не удосужились посмотреть на ФИО и адрес, написанные в направлении из диспансера.

Светлана Васильевна работала психиатром уже десять лет. Последние годы она была заведующей женским отделением. Работу она свою любила и ходила в больницу скорее с удовольствием. Она вообще была человеком жизнерадостным, отзывчивым и сострадающим. Правда, последнее время, очень многие нюансы ее работы, которых она раньше не замечала, стали ее угнетать, но она и мысли не допускала, чтобы уйти в другое место, как сделали ее многие коллеги. В частности, она ненавидела работать по субботам. Дома ее ждали муж и сын, она и так очень много работала, и выходные были единственной возможностью побыть с ними, убрать квартиру и сделать другие дела.

В эту субботу была ее очередь выходить на работу. «Хоть бы поменьше больных поступило» – думала Светлана Васильевна, подходя к больнице.

В этот день в ее отделение поступила одна пациентка, и Светлана Васильевна облегченно вздохнула. Открыв историю болезни вновь поступившей, она немного удивилась, что в ней присутствует два направления. В одном из диспан-

сера стоял диагноз: психопатия, декомпенсация и описано соответствующее поведение, а в другом, написанном врачом скорой помощи, был описан похмельный синдром. «Странно, мы же алкоголиков не берем» – подумала Светлана Васильевна. Дежурный врач и вовсе написал диагноз: «психопатия, осложненная алкоголизмом». При этом история жизни и болезни пациентки, так же как и ее психический статус были изложены крайне невнятно. «Ну, сейчас посмотрим» – подумала доктор и попросила привести пациентку в ординаторскую. Больная показалась Светлане Васильевне какой-то забитой и серой и уж явно непохожей не психопатку. Возможно, алкоголизм у нее и был, но похмельный синдром, требующий медицинского вмешательства, не прослеживался.

Светлана Васильевна стала расспрашивать пациентку о ее жизни, выяснила, что та никогда на учете не состояла и вообще с психиатрами дела не имела. Окончательно удивившись, она отправила больную в палату, а сама стала дозваниваться в диспансер. Ей повезло – врач, которая вчера выписывала направление, в эту субботу работала. Теперь настала очередь удивляться врачу диспансера, т.к. направление она выписывала на пациентку с другой фамилией и адресом.

И тут-то, Светлана Васильевна, наконец-то сделала то, чего не сделал ни врач скорой помощи, ни врач приемного покоя, ни она сама при первом осмотре – она посмотрела на фамилию, имя, отчество и адрес больной, написанные в на-

правлении. Они не совпадали с тем, что говорила пациентка. «Вот это номер, – подумала доктор – «Что же теперь делать? Не ту тетку загребли» Она с тоской подумала о Законе оказания помощи психически больным, правах человека и прочих достижениях гуманизма. «Эти сволочи напортачили, а мне за них расхлебывать, что я теперь этой тетке скажу, а вдруг пойдет жаловаться». С этими невеселыми мыслями, Светлана Васильевна нашла тетю Зину в палате и пригласила опять в ординаторскую.

Видите ли, уважаемая Зинаида Ивановна, – Начала врачиха, проклиная свою долю –Произошло некоторое недоразумение. – Она сделала паузу, наблюдая за реакцией тети Зины. Та сидела в оцепенении и никак не реагировала на слова врачихи.

– Мы Вас сейчас немедленно отпустим, т.к. бригада скорой помощи, перепутала дом, и Вас к нам привезли по ошибке.

При этих словах тетя Зина немного оживилась – Вы меня отпустите?

– Ну, конечно, просто произошла ошибка, и я приношу Вам свои извинения.

После этих слов, тетя Зина начала бурно радоваться, порывалась целоваться, постоянно повторяя – Спасибо, спасибо вам! А потом даже всплакнула.

Тетю Зину выписали. Когда за ней закрылась дверь, Светлана Васильевна подумала: «Да, вот тебе и свободный чело-

век в демократическом обществе» и пошла делать обход.

А тетя Зина, нарушив свой привычный график, ушла в недельный запой.

АНДРЮША ИВАНОВ

Андрюша Иванов был дауном. Мама – Зинаида Васильевна родила его, когда ей было 43 года. К этому возрасту она успела обзавестись целым букетом различных болячек – страдала гипертонической болезнью, холециститом, гастритом, остеохондрозом и множественной миомой матки. Да и выглядела она неважно – старообразная тетка с вечной кичкой на голове, в унылых кофтах и юбках. Работала она инженером в каком-то НИИ. Там же трудился и ее супруг, с которым они прожили больше 20 лет. Когда-то в молодости они с мужем планировали родить ребенка, не то, чтобы очень хотели, но ведь вроде надо. Но ребенок не получался. Зинаида Васильевна ходила по бесконечным и бесполезным врачам, те только руками разводили – никакой особой патологии у нее не обнаруживалось. Они с мужем не очень-то горевали по этому поводу, смирились и, в конце концов, даже стали находить свои плюсы в бездетности.

Жизнь Зинаиды Васильевны проходила на работе, где она «отбывала номер» и дома с мужем, где она чувствовала себя несколько более комфортно, любила готовить, побаловать себя и супруга «чем-нибудь вкусеньким». Жили они скучно, в кино, театры не ходили, на курорты не ездили. Зина-

ида Васильевна и сама не понимала, почему так сложилась жизнь. В молодости она была довольно бойкой, миловидной девушкой, часто ездила в поездки по тогда еще республикам Советского Союза, ходила на премьеры, концерты. Однако, нельзя сказать, что нынешняя жизнь ее сильно тяготила, жила как-то, как во сне.

И вот теперь, когда ее жизнь, как ей казалось, всегда будет такой, она забеременела. Это известие вызвало у обоих супругов шок. Муж сразу предложил делать аборт, говорил, что «уже не потянуть» и все, что положено говорить мужчине, который не хочет детей. Зинаида Васильевна была в смятении. Она вдруг «проснулась» и ей ужасно захотелось ребенка.

Когда она пришла в женскую консультацию, врач, посмотрев на нее, привычно спросила: «Будете делать аборт?». Зинаида Васильевна несколько опешила. Она почему-то полагала, что гинеколог должен ее уговаривать оставить ребенка и ждала поддержки. Врачиха, поняв, что пациентка колеблется, стала ей объяснять, что «ребенка ей не выносить, а если и выносить, то он родится дауном, что в таком возрасте – это преступление» и все в таком духе. Зинаида Васильевна обещала подумать. Про себя она уже приняла решение, но в разговорах с мужем и врачом, продолжала делиться своими сомнениями. Складывалось впечатление, что сам факт беременности и возможность его обсуждать, доставляют ей удовольствие. Муж продолжал вяло настаивать на том, что

ребенок им не нужен: «Зин! Ну, какой нам ребенок, мы его вырастить не успеем, старые уже, да и со здоровьем плохо». Втайне он надеялся, что «само как-нибудь рассосется».

После того, как Зинаида Васильевна сообщила о своем решении в женской консультации, ее тут же отправили в больницу, где она с короткими перерывами провела всю беременность. С мужем они как-то очень быстро стали чужими, как будто и не прожили 20 лет вместе. В больнице он практически ее не навещал. У Зинаиды Васильевны сложилось впечатление, что у него кто-то появился. Но думать ей об этом было некогда – она вынашивала ребенка. Она все время сдавала какие-то анализы, получала интенсивное лечение уколами, капельницами, но, несмотря на усилия медиков, она все-таки выносила и родила мальчика – дауна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.